

INSTITUT
D'ÉTUDES SLAVES

INSTITUT DU MONDE SOVIÉTIQUE
ET DE L'EUROPE CENTRALE ET ORIENTALE

REVUE
DES ÉTUDES SLAVES

TOME CINQUANTE-NEUVIÈME

Fascicule 1-2

ALEXANDRE PUŠKIN

1799-1837

PARIS

1987

РЕАЛЬНОЕ И ФАНТАСТИЧЕСКОЕ В ПИКОВОЙ ДАМЕ*

SERGEI DAVYDOV

Современный французский литературовед, Цветан Тодоров в своей книжке *Introduction à la littérature fantastique* пишет: « В подлинно фантастическом жанре всегда имеется формальная возможность простого объяснения невероятного явления, но в то же время, такое объяснение полностью лишено внутренней правдоподобности¹ ». Такое определение жанра подходит и к *Пиковой даме*. Пушкин написал эту фантастическую новеллу так, чтобы у читателя оставалась возможность как естественного, так и сверхестественного объяснения тайны трех карт. Прелесть этой замысловатой пушкинской игрушки, вызывающей недоумение у читателя и литературоведа — в колебании между двумя взаимоисключающими друг друга объяснениями фантастического явления.

Попытки рационально объяснить загадку трех карт сводятся, как правило, к трем вопросам: Чем мотивирован выбор тройки, семерки и туза? Мог ли Германн отгадать эти три карты естественным путем, без вторжения потусторонних сил? Чем объяснить роковой промах Германна в конце новеллы?

В поисках ответа на первый вопрос исследователи обратились к литературным источникам того времени, но ни одно из произведений, которые были или могли быть знакомы Пушкину, не дает удовлетворительного объяснения происхождения тройки, семерки, туза. Н. Кашин, например, нашел источник двух карт в строках стихотворения Ф. Глинки, *Брачный пир Товия*: « Мало ль платы / Утроить сын! Усемерить », а В. Виноградов предложил новеллу К. G. S. Neun, *Der holländische Jude* « Голландский купец », в которой герой выигрывает большую сумму, ставя на тройку и семерку². Но ни Кашину, ни Виноградову, ни другими исследователями литературных подтекстов так и не удалось обнаружить туза.

* Настоящая заметка основана на докладе « The ace in Puskin's *The Queen of spades* », прочитанном на пушкинской конференции в Нью-Йорке (ноябрь 1985). Доклады этой конференции будут напечатаны в сборнике *Puskin: symposium (New York)* под редакцией А. Коджака.

1. Paris, Éd. du Seuil, 1970, chap. 2.

2. Н. Кашин, « По поводу *Пиковой дамы* », в сб.: *Пушкин и его современники*, 31-32, Л., 1927, стр. 34; В. Виноградов, « Стиль *Пиковой дамы* », *Временник пушкинской комиссии*, 2 (1936), стр. 87-88.

Б. Томашевский и Вл. Набоков обратились к картежному быту и указали, что если играть « на руте » (т.е. удваивать всякий раз ставки, загибая пароли, пароли-пе) то три первых выигрыша равняются $1 + 3 + 7$ (*une et le va, trois et le va, sept et le va*)¹. Германну, который « от роду не загнул ни одного пароли », но « целые ночи просиживал за карточными столами и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры », ряд $1 - 3 - 7$ был, конечно, хорошо известен. Тем не менее эта формула не в состоянии обеспечить выигрыш, потому что заветные карты нужно ставить в порядке $3 - 7 - 1$. Таким образом, не только знание трех верных карт, но и верная их последовательность являются необходимой предпосылкой успеха.

В свою очередь, и нумерологические попытки расшифровать пушкинский текст не привели к желаемым результатам. *Пиковая дама* содержит такое обилие чисел, что из них можно, при желании, извлечь любую карту. Если сосредоточиться на коротком отрывке, то, как правило, не достает или одной карты, или их последовательность оказывается неверной. Такой же упрек можно сделать в адрес гематрии, т.е. анаграмматического извлечения трех карт из звукового состава текста. Нет сомнения, что описание графининой спальни кишит намеками на карты :

Перед кивотом, наполненным сТаРинными [3] обРАЗами [1], теплилась золотая лампада. Полинялые штофные кресла и ДиВАны [2] с пуховыми подушками, с сошедшей позолотой, стояли в печальной симмеТРИи [3] около стен, обитых китайскими обоями. На стене висели ДВА [2] портрета, писанные в Париже Мисе Лебгип. ОДИН [1] из них изображал мужчину лет сорока, румяного и полного, в светлозеленом мундире и со звездой [1] ; ДРУГОЙ [2] – молодую красавицу с орлиным носом, с зачесанными висками и с розой в пудренных волосах [Д]. По вСЕМ [7] углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного *Leroy* [К], коробочки, рулетки, веера и РАЗные [1] дамские [Д] игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вМЕсте [7] с Монгольфьеровым шаром и МЕСмровым [7] магнетизмом.²

Как бы заманчиво такое прочтение этого отрывка нам ни казалось, из него можно извлечь, вдобавок к трем картам, и двойку, и короля, и даму, и в нем не указана нужная последовательность.

Более надежным нам представляется подход, совмещающий оба выше-названных метода, нумерологию и гематрию, если его применить к более подходящему месту повести. В следующем отрывке, нам кажется, Пушкин зашифровал три карты в категории фабульного времени :

Однажды – это случилось два дня после вечера, описанного в начале этой повести, и за неделю перед той сценой, на которой мы остановились, – *однажды* Лизавета Ивановна...

« Однажды » обозначает туза, « неделя » семерку, а для того, чтобы извлечь недостающую тройку, необходимо прибавить к этим двум дням тот « незаметный » вечер, который Пушкин описал в начале повести : « Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла

1. Pouchkine, *Œuvres complètes*, Paris, André Bonne, 1953-1958, t. 3, p. 500 ; Vl. Nabokov, *Eugene Onegin : a novel in verse by Alexander Pushkin*, 2, Princeton, Princeton University Press, 1964, p. 261.

2. Cf. L. G. Leighton, « Gematria in *The Queen of spades* : a deccembrist puzzle », *Slavic and East European journal*, vol. 21, 1977, 4, p. 455-456.

незаметно ; сели ужинать в пятом часу утра ». Этот отрывок содержит три нужные карты и в нем намечается правильная последовательность [1] — 3 — 7 — 1. Однако, главное преимущество этой шарады в том, что она может послужить ключом к решению следующей хронограмматической загадки, в которой Пушкин запрятал только три нужные карты в верном порядке :

Не прошло *трех* [3] *недель* [7] с той поры, как она в *первый раз* [1] увидела в окошко молодого человека.

Но даже в этом, казалось бы, рациональном решении есть свой изъян. Германну — для того, чтобы расшифровать эту шараду — надо было бы подняться со страницы повести и стать ее читателем. Но осознание авторского текста героем не предусматривалось поэтикой пушкинского времени, и такой скачок из текстуального в метатекстуальный уровень был бы равносильным скачку в метафизику, рационально необъяснимому в пределах поэтики XIX века. Итак, чтобы оставаться по сию сторону действительности, следует обратиться не к авторской речи, а к собственным словам героя :

« Да и самый анекдот?... Можно ли ему верить?... Нет ! расчет, умеренность и трудолюбие : вот мои три верные карты, вот что *утроит, усмерит* мой капитал и доставит мне покой и независимость. »

Вопреки утверждениям всех комментаторов, что в этом отрывке Пушкин открыл лишь две из трех верных карт, мы настаиваем на непогрешности пушкинской тайнописи. Случайно оброненные Германном слова содержат, по-моему, все три карты, включая туза. Между тройкой и семеркой таится фонетически ассимилированный туз : « вот что *утроитУСемерит* мой капитал ». Закон, по которому « две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место », явно не относится к поэтике загадок. В анаграммной форме туз прекрасно уживается с тройкой и семеркой в одном и том же пространстве и времени.

Прием закрывания средней карты, по-моему, навеян самой игрой в фараон. В этой игре понтер выбирал из своей колоды карту, клал ее на стол крапом вверх и делал на нее ставку. Затем банкOMET брал свою колоду и начинал раскладывать карты лицом вверх направо и налево от карты понтера. Понтер потом открывал свою карту и выигрывал, если она совпадала с картой слева, или проигрывал, если она совпадала с картой справа.

Слова Германа : « *утроит, усмерит* » вдобавок к трем верным картам, подсказывают герою и верный порядок, в котором нужно было играть. При первом чтении слов « *утроит, усмерит* » перед нами только две карты лицом вверх. При втором, криптографическом прочтении этих слов открывается средняя карта, туз. Итак, если бы инженер Германн более чутко прислушался к собственным словам, он мог бы естественным образом, без вмешательства потусторонних сил, отгадать три верные карты в нужном порядке, и утроить, усмерить свой капитал.

В *Пиковой даме* есть, по-моему, еще одно место из которого можно извлечь все три карты в верном порядке, но, поскольку этот отрывок представляет собой довольно сложную криптограмму, основанную на звуковых и зрительных трансформациях трех карт, следует, прежде чем приняться за его расшифровку, обратить внимание на аналогично построенный отрывок, который Пушкин сам для нас расшифровывает. После того, как призрак графини открыл Германну тайну трех карт, тройка, семерка и туз облачаются в сознании Германа в разные причудливые формы :

Тройка, семерка, туз — не выходили из его головы и шевелились на его губах. Увидев молодую девушку, он говорил : « Как она стройна !... Настоящая тройка червоная ». У него спрашивали : « который час », он отвечал : « без пяти минут семерка ». Всякий пузастый мужчина напоминал ему туза. Тройка, семерка, туз — преследовали его во сне, принимая все возможные виды : тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком.

Эти зрительные и звуковые метаморфозы трех карт, которые Н. Розен подробно описал в своей статье¹, могут послужить ключом для расшифровки аналогично зашифрованной криптограммы, идущей вслед за тем местом, в котором Германн случайно назвал, но не узнал три заветные карты :

« Вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость ! »

Рассуждая таким образом, очутился он в одной из главных улиц Петербурга. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другой катились к освещенному подъезду. Из карет поминутно вытягивалась то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорты, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара. Германн остановился.

Переосмысляя звуковые, зрительные и семантические ассоциации, мы предлагаем следующую расшифровку этой криптограммы : фраза « кареты одна за другой катились » объявляет появление карт (сравни с аналогичной формулировкой в следующем абзаце : Германн « ставил карту за картой »). Затем Пушкин вынимает из своей колоды три верные карты, замаскированные в виде ножек, вылезавших одна за другой из карет. Первой из колоды кареты выходит тройка : « Из карет поминутно вытягивалась то стройная нога молодой красавицы... » (ср. : « Увидев молодую девушку, он говорил : 'Как она стройна !... Настоящая тройка червоная' »). За тройкой из колоды вылезает семерка, заgrimированная под гремучую ботфорты. Стоит ее перевернуть вверх ногами, и получится семерка². Не подлежит сомнению, что полосатый чулок и дипломатический башмак украшают ногу важного туза. К тому же, последняя трансформация предвосхищает ассоциацию туза с пузастым (тузастым) мужчиной и огромным пауком. У паука крестовика (*areneus diadematus*), например, полосатые ноги, а на спине крест-треф.

Итак, « стройная нога », « гремучая ботфорты » и « дипломатический башмак », выступающие на глазах у Германна из « карет », и есть три верные карты, которые Пушкин, знающий толк в ножках и картах, в надлежащей последовательности подсовывает своему недогадливому герою. Был бы инженер Германн большим ценителем « ножек », он бы запросто разгадал тайну трех карт, утроил бы, усмерил свой капитал и, быть может, припал бы к стройным ножкам молодой красавицы, вроде Лизы, и ему бы не пришлось стать « свидетелем отвратительных тайнств » графинина туалета и наблюдать, как « желтое платье, шитое серебром, падает к ее распухшим ногам ». Германн был бы неповинен в ее смерти, и старой графине, которая,

1. N. Rosen, « The magic cards in *The Queen of spades* », *Slavic and East European Journal*, vol. 19, 3 (1975).

2. Для тех, кому такой поворот не по душе, привожу в свое оправдание слова Пушкина из письма Вяземскому (март 1823) : « ... На конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог : продаю с барышом. Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар ; я в накладе иду жаловаться частному приставу... ». Скептик может обратиться еще к пушкинской притче *Сапожник*.

согласно Пушкину, « не имела злой души », не пришлось бы покинуть свой потусторонний приют, чтобы сыграть Германну в пику и лишить его таким образом не только « излишнего », но и « необходимого ». Но в таком случае не было бы и *Пиковой дамы*, которую Достоевский справедливо назвал вершиной фантастического искусства, остановился бы ее « скрытый гальванизм », заставляющий читателя и литературоведа вечно колебаться между естественным и сверхестественным объяснением тайны.

(Bryn Mawr College, U.S.A.)